

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-143-155

ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ: ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

© 2026

Д. Б. Графов¹

Статья посвящена дилемме между определенностью (предсказуемостью) и неопределенностью взаимного сдерживания в ядерном треугольнике Индия — Пакистан — КНР под влиянием дестабилизирующих факторов и асимметричных угроз. Индия следует провозглашенному в ядерной доктрине более 20 лет назад принципу неиспользования ядерного оружия первой (NFU, “no-first-use”). Пакистан сохраняет неопределенность, допуская применение тактического ядерного оружия (ЯО) «нулевой дальности» (“zero-range” weapons), совершенствует носители и боевые платформы, которые могут иметь как ядерное, так и конвенциональное оснащение, а также использует прокси-силы для атак из «серых зон». Обе страны разрабатывают и производят конвенциональные системы оружия, способные влиять на стратегический баланс и стратегическую стабильность.

Автор анализирует возможный пересмотр Индией принципа NFU и разработку гибкой системы сдерживания, основанной на ясной пропорциональной эскалации, упреждающей действия Пакистана, что стало особенно актуальным после военного столкновения двух стран в мае 2025 г. Определенность и прогнозируемость ядерной стратегии могут сдерживать потенциального противника от перехода напряженности в открытый конфликт. Однако в условиях перманентно вспыхивающего с новой силой вооруженного противостояния индийское руководство не исключает отказа от принципа “no-first-use” при определенных обстоятельствах. Это повысит неопределенность, лишит противника монопольного контроля над ядерным порогом, увеличит его риск неконтролируемого ущерба и разрушит расчеты достичь целей в локальном столкновении без использования ЯО.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, ядерная политика, отказ от первого ядерного удара, сдерживание, стратегическая прогнозируемость, неопределенность

Для цитирования: Графов Д. Б. Ядерная политика Индии: от стратегической предсказуемости к неопределенности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 143–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-143-155

INDIA'S NUCLEAR POLICY: FROM STRATEGIC PREDICTABILITY TO AMBIGUITY

Dmitry B. Grafov

The article examines the dilemma between strategic consistency (certainty, predictability) and uncertainty (ambiguity) in the Pakistan-India-China triangle under the influence of destabilizing factors and asymmetric threats.

¹ Графов Дмитрий Борисович, кандидат политологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Москва; graftvc@mail.ru

Dmitry B. Grafov, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow; graftvc@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7334-5398

India adheres to the no-first-use (NFU) policy, enshrined in its nuclear doctrine more than 20 years ago. Pakistan rejects the “no first use” (NFU) posture, maintains uncertainty by accepting the possibility of using low-yield tactical nuclear weapons (“zero-range weapons”) in a conventional conflict, developing missiles and weapon platforms for both nuclear and conventional use, and exploiting a proxy forces for “gray zone” attacks. Both states produce conventional weapons systems that could be used to attack nuclear infrastructure and undermine the strategic balance.

The author analyzes the possibility of India suspending its NFU policy and adopting a flexible nuclear strategy based on proportional escalation measures that constrain Pakistan's actions. The need for a new approach to nuclear deterrence became clear after the “five-day war” in May 2025 between India and Pakistan. A certainty and predictability of nuclear strategy policy can deter a potential adversary before the confrontation escalates into armed conflict. However, India's leadership has not ruled out rethinking the NFU commitment in some circumstances. The strategic uncertainty created by a possible revision of the «no-first-use» policy may better deter an adversary if the conflict spirals. This means that India is denying Pakistan control over the nuclear threshold, increasing the risk of unacceptable damage to the Pakistani government, and frustrating the adversary's hopes of achieving its goals without crossing the nuclear threshold.

Keywords: India, Pakistan, nuclear policy, no first use, NFU, deterrence, strategic consistency, ambiguity, uncertainty

For citation: Grafov D. B. India's Nuclear Policy: From Strategic Predictability to Ambiguity. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 143–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-143-155

В статье рассматривается ситуация взаимного ядерного сдерживания в Индо-Пакистанском противостоянии и дилемма между прогнозируемостью, дающей потенциальному противнику представление о ядерном пороге, и неопределенностью, которая затрудняет противоположной стороне оценку ситуации и увеличивает опасение неожиданных ответных или превентивных действий, т. е. работает на сдерживание, увеличивая риск неопределенных последствий. Практическая значимость постановки вопроса объясняется тем, что подходы в ядерной политике у Индии и Пакистана становятся все более асимметричными. В стратегическом сдерживании Нью-Дели сохраняет отказ от применения ЯО первой. Исламабад, который такого обязательства не брал, при этом рассматривает использование тактического ЯО малой дальности и малой мощности в конвенциональном конфликте. Пакистан принимает на вооружение носители, способные использовать как обычные, так и ядерные боезаряды. Различение их средствами технической разведки практически невозможно. Обе стороны активно развивают конвенциональные системы оружия (в первую очередь БПЛА и другие малозаметные дистанционно управляемые боеприпасы), которые при определенных сценариях способны повлиять на стратегический баланс сил.

В руководстве Индии давно задаются вопросом о целесообразности сохранения моратория на ядерный удар первыми, т. к. неопределенность в вопросе использования ЯО может создавать лучший сдерживающий эффект. Актуальность изучения изменений ядерной политики Индии и Пакистана возросла после очередной вооруженной эскалации в мае 2025 г.² Возможно, только скоротечность военного противостояния, неиспользование сухопутных сил, ограниченный военный ущерб удержали стороны от приближения к ядерному порогу. Очевидно, что сдерживание со стороны Индии недостаточно, если оно оставляет место для вооруженных столкновений неопределенной интенсивности и продолжительности, провоцируемых террористическими атаками. После окончания боевых действий 12 мая премьер-министр Н. Моди объявил о новой военной доктрине, согласно которой Индия будет реагировать на терроризм на своих условиях в отношении

² Ударами с воздуха Индия начала операцию «Синдур» с целью уничтожения лагерей террористов, от рук которых погибли индийские туристы.

как выбора средств, так и места проведения ударов. Она также больше не будет мириться с ядерным шантажом и не будет делать различий между правительством, спонсирующим терроризм, и его организаторами [English Rendering..., 2025].

Индия в своей ядерной политике вынуждена считаться с наличием сразу двух противников, с которыми она граничит, соперничает и имеет территориальные споры. Ее ядерная доктрина сводится к трем главным пунктам: отказ от применения ЯО первой (“no first use” — NFU); надежное минимальное сдерживание (Credible Minimum Deterrence); массированное возмездие в ответ на любую форму ядерного нападения.

Если более мощный Китай представляет угрозу в значительной степени системную, предсказуемую, то Пакистан декларирует использование ЯО первым в случае агрессии, которую его руководство может понимать и как территориальный конфликт. С пакистанской стороны делаются заявления о необходимости развития ЯО малой мощности и небольшой дальности в расчете на то, что его использование не приведет к полномасштабному ядерному конфликту, но ограничит возможности эскалации со стороны Индии конвенциональным оружием. Исламабад никогда официально не декларировал свою ядерную доктрину, оставляя ее расплывчатой и двусмысленной. Однако заявления значимых лиц из числа бывших и действующих руководителей позволяют выделить некоторые узловые точки так называемой политики «полного спектра сдерживания» («Full Spectrum Deterrence»; FSD).

Цель FSD: во-первых, затруднить решение индийских властей использовать ЯО, сделать любое возмездие Пакистану потенциально эскалационным вплоть до ядерного порога; во-вторых, FSD почти не оставляет промежутка для сигнальных действий между конвенциональными ударами и ядерным ответом; в-третьих, FSD позволяет проводить атаки с помощью прокси-сил, связывая руки Индии угрозой ядерной эскалации.

Индия не исключает возможности войны на два фронта — с Пакистаном и Китаем (или при поддержке первого вторым), что может стать критическим испытанием. У Индии нет экономических возможностей (самодостаточного ВПК, источников сырья в необходимых объемах), чтобы выйти победителем из большой войны. Балансирование противников через союзы с другими державами (блок «Quad», отношения с США) гарантии от войны не обеспечивают³. Альтернативой может быть отказ Индии от неприменения ЯО первой. Именно такой способ сдерживания использует Пакистан при недостаточности ресурсов против самой Индии. Нынешнее правительство под руководством Бхаратия джаната парти не исключает пересмотра приверженности NFU, чтобы сделать ядерную политику Индии более гибкой (менее определенной) [Clary, Narang, 2019].

Соотношение стратегических потенциалов Индии и Пакистана

По оценкам экспертов, Индия может иметь от 160 до 200 ядерных боезарядов. Запасы высокообогащенного урана составляют около 4,9–5,1 т, запасы оружейного плутония — 0,6–0,7 т. В качестве носителей ЯО могут использоваться бомбардировщики со свободнопадающими бомбами, баллистические ракеты (БР) наземного и корабельного старта, также имеется одна атомная подводная лодка с БР [Nuclear Threat..., 2024].

КНР предположительно обладает арсеналом в 500 ядерных боезарядов, в 2027 г. их число, возможно, возрастет до 700, а к 2030 г. приблизится к 1000. Средствами доставки являются 134 межконтинентальные БР наземного старта, 72 БР на подводных лодках (БРПЛ) и порядка 20 атомных

³ Хотя «майская война» 2025 г., как уверяет президент США Д. Трамп, остановилась после его вмешательства.

авиабомб. Запасы высокообогащенного урана оцениваются в 11–17 т, оружейного плутония — 2,3–3,5 т [Nuclear Disarmament..., 2024].

У Пакистана приблизительно 170 ядерных боезарядов, около 4,9 т высокообогащенного урана [Pakistan, 2023]. Средствами доставки ЯО являются бомбардировщики с арсеналом около 36 атомных бомб, баллистические и крылатые ракеты [Arms Control..., 2023].

Неустойчивость взаимного сдерживания в треугольнике Пакистан–Индия–КНР связана и с тем, что Индия вынуждена балансировать своим ядерным потенциалом угрозу и со стороны Пакистана, и со стороны Китая. Хотя ядерная война на два фронта маловероятна, индийское руководство не может исключать из расчетов самый негативный сценарий [Singh, 2021]. Тем более что сотрудничество между Пакистаном и КНР в ядерной и военно-технической сферах развивается. В 2023 году Пекин и Исламабад договорились о строительстве ядерного реактора мощностью 1200 мегаватт в Чашме⁴. Появившаяся у Пакистана в 2003 г. баллистическая ракета малого радиуса действия Ghaznavi (Hatf-3) является аналогом китайской БР DF-11, и ее производство организовано при помощи КНР [Ghaznavi, 2024]. Самая мощная и дальнобойная БР Ababeel, которая готовится к принятию на вооружение, имеет схожую конструкцию с китайской БР CSS-7. Также инженеры из КНР поделились технологиями индивидуального наведения боевых блоков разделяющихся головных частей [Ababeel, 2024].

Индия стремится балансировать увеличение китайского ядерного потенциала, хотя Пекин больше озабочен сдерживанием США. Однако Пакистан воспринимает увеличение индийского наступательного и оборонительного потенциала прежде всего как угрозу себе. Таким образом, в треугольнике Пакистан–Индия–КНР медленно раскручивается спираль увеличения ядерных потенциалов и возможностей нанесения удара. Вырисовываются контуры ядерной трилеммы: изменения в одной стороне, прилегающей к «индийской вершине», сказываются на другой стороне треугольника.

Изначально в ядерной доктрине Индии, изложенной в 2003 г. в заявлении правительства, речь шла о «достаточном минимальном убедительном ядерном сдерживании» (maximal minimum credible nuclear deterrence) [Сотников, 2020, с. 140–143]. Однако после 2017 года уже говорится о «достаточном сдерживании», а не о «достаточном минимальном сдерживании» [Зайцев, 2018]. Подчеркивается, что решение об использовании ЯО принимается политическим, а не военным руководством, только в ответ на ядерный удар или использование другого оружия массового поражения. Акцент делается на мирных усилиях: Индия подтверждает свое участие в переговорах по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), продолжает придерживаться объявленного ею добровольного моратория на проведение ядерных испытаний и вновь подчеркивает свою приверженность целям всеобщего и полного ядерного разоружения. Доктрина в целом стремится передать сдержанность Индии, представить ее балансирующей силой в стратегическом контексте субконтинента. Важным стабилизирующим фактором в доктрине выступает положение о неприменении ЯО первым. В отличие от Нью-Дели, Исламабад такого обязательства на себя не брал [Сотников, 2003].

Неопределенность ядерной стратегии Пакистана является самостоятельным элементом сдерживания. Исламабад не декларирует свою ядерную стратегию на официальном уровне, на неофициальных площадках шла речь о «Политике повышения возможностей» (Option-enhancing Policy) [Chakma, 2006, p. 120]. В нее вошли принципы «минимального ядерного сдерживания» (Indo-centric minimum nuclear deterrence), «массированного ядерного возмездия» (Principle of massive

⁴ Pakistan and China sign \$4.8 billion nuclear power plant deal. Reuters, 20.06.2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/pakistan-china-sign-48-bln-nuclear-power-plant-deal-2023-06-20/> (accessed: 18.12.2025).

retaliation) и «применения ядерного оружия первым» (Policy of nuclear first-use) [Inter Services..., 2017]. Массированное ядерное возмездие предполагается при пересечении индийскими силами «линии контроля» LoC (Line of Control) или ударе по чувствительным целям на пакистанской территории [Chakma, 2006, p. 124].

«Политика повышения возможностей» включает еще два принципа. Принцип удара по невоенным целям, имеющим критическое значение (Counter-value nuclear targeting), который создает неопределенность через риск нанесения ударов по крупным городам и промышленным центрам. А также принцип «делегативной системы управления ядерным оружием» (Delegative nuclear command and control structure), где решение о ядерном ударе принимается не исключительно высшим политическим руководством: при "определенных обстоятельствах" разрешение на использование ЯО имеют и военачальники, что также усиливает неопределенность.

В настоящее время неофициальным образом формулируется стратегия «полного спектра сдерживания» (Full Spectrum Deterrence; FSD), которая предполагает использование ЯО для срыва широкомасштабного наступления индийских ВС на стратегическом, оперативном и тактическом уровне в любом домене возможных боевых действий (на земле, на море, в воздухе) на любой дальности удара — от нулевой ("zero-range" weapons) до самых удаленных точек Индии — 2750 км. Пакистанские стратеги называют это асимметричной эскалацией [Narang, 2009/10, pp. 74–76] [Noor, 2023].

Пакистан в развитии ядерных сил делает акцент на тактическом ЯО в виде баллистических (БР) ракет средней и малой дальности (Hatf-2, Hatf-3, Hatf-4 и Hatf-9) [Сотников, 2020]. БР Hatf-9 имеет дальность в несколько десятков километров и рассчитана на использование в случае реализации индийской доктрины «холодного старта» ("cold start"). Доктрина предполагает быстрое массированное вторжение сухопутных сил Индии в расчете на то, что Пакистан не сможет нанести удар ядерным оружием по индийским частям на своей территории [Shankar, 2016]. Неожиданным для американских экспертов стало появление у Пакистана дозвуковой низколетящей крылатой ракеты (КР) Babur (или Hatf-7) [Kristensen, Korda, 2023], которая может нести небольшой ядерный заряд — от 5 до 12 кт и размещаться на мобильной установке или подводной лодке.

Ставка Пакистана в сдерживании на тактическое ЯО малой дальности, особенно если его носителями являются БР, снижает ядерный порог, увеличивая риск эскалации во время кризисов [Perkovich, 2013]. Сама возможность использования одних и тех же носителей (платформ) как для ударов конвенциональным оружием, так и ЯО увеличивает неопределенность и риск ошибки относительно угрозы противника. Если раньше к носителям двойного назначения традиционно относились пакистанские бомбардировщики Mirage III (V) (французского производства) и F-16A/B (американского), то теперь акцент в строительстве ядерных сил делается на БР и КР малой и средней дальности, которые могут оснащаться как обычными, так и ядерными зарядами, мобильные пусковые установки для них практически неотличимы.

Все большее влияние на баланс сил начинают оказывать высокоточные конвенциональные системы оружия и возможности космической разведки. В «майском» военном обострении 2025 г. Индия нанесла удары по чувствительным объектам в глубине пакистанской территории, включая базу Малир недалеко от Карачи и авиабазу Нур Хан в Равалпинди, где находится Генеральное командование армии Пакистана рядом со штабом командования ядерными силами Пакистана. А 9 мая состоялось совещание Пакистанского ядерного командования (Pakistan's Nuclear Command Authority), что может считаться ядерным сигналом Индии [Kronstadt..., 2025].

Возможность повреждения (и даже уничтожения) стратегической инфраструктуры с помощью дронов и других управляемых вне прямой видимости конвенциональных средств поражения

с расстояния сотен километров подтверждается противостоянием России с Украиной, а также 12-дневной войной между Израилем и Ираном в июне 2025 г. Могут быть выведены из строя системы ПРО и ПВО, стратегические бомбардировщики. Для ударов БПЛА уязвимы радары системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Девальвация стратегического потенциала такими средствами поражения вполне реальна. Все это повышает неопределенность и затрудняет предсказуемость действий Исламабада при эскалации конфликта.

В пакистанских (и китайских) арсеналах есть конвенциональные системы оружия, имеющие стратегическое значение при использовании против ядерной инфраструктуры.

Пакистанская крылатая ракета Babur (Hatf-7), схожая по характеристикам с американской ракетой «Tomahawk», способна нести как обычный, так и ядерный заряд. Она малозаметна, маневренна, имеет дальность 350–700 км. В 2017 г. прошла испытания более компактная КР воздушного базирования Ra'ad (Hatf-8) дальностью 350 км и точностью поражения с отклонением в несколько метров. Прорыв Пакистана в технологиях, необходимых для систем управления ракет, связывают с помощью КНР. КР Babur аналогична китайской крылатой ракете DH-10 наземного базирования, но доработана (Babur-3), чтобы использоваться и с подводных лодок [Saalman, 2020]. Обнаружение пуска такой ракеты создает для Индии стратегическую дилемму: считать удар КР ядерным или конвенциональным. В то же время размещение Babur-3 в ядерном оснащении на подводной лодке свидетельствует о желании Пакистана иметь возможность гарантированного ответного удара [IHS Jane's..., 2015].

Это говорит о том, что ситуация изменилась с момента объявления Индией принципа NFU больше 20 лет назад. В ядерной политике Индии появляются признаки гибкого переосмысления позиции «ядерное оружие нужно Индии не для войны». Индия по-прежнему делает ставку на традиционное сдерживание системами оружия стратегического уровня, например, последняя модернизация БР (Agni-V) с разделяемыми боеголовками индивидуального наведения имеет дальность от 5 до 8 тыс. км, что покрывает всю территорию КНР. Но при этом активно ведется работа над ПРО на основе российских зенитных ракетных комплексов С-400 и ЗРК собственного производства. Также Индия нацелена на развитие морской составляющей ядерной триады — стратегических ракет на подводных лодках. Это свидетельствует о проработке разных сценариев ядерного конфликта [Saalman, 2020].

Стратегическая прогнозируемость: плюсы и минусы

Доктрина Индии неприменения первой ЯО демонстрирует моральный авторитет, предсказуемость и заслуживает доверия. В октябре 2020 г. на Конференции по разоружению Индия подтвердила приверженность принципу NFU. Но заявление прозвучало как успокаивающее и дипломатическое, т. к. еще в 2016 г. министр обороны Индии М. Паррикар высказал сомнение относительно гарантированного сохранения обязательства не наносить ядерный удар первым в случае изменения обстоятельств. Уже в 2019 г. следующий министр обороны Р. Сингх снова задался вопросом: должна ли Индия следовать обязательству не применять ЯО первой? Типы угроз меняются. К угрозе большой войны по традиционному сценарию прибавилась возможность конфронтации через использование тактических приемов, описываемых как конфликты в «серой зоне»⁵ и «гибридная война» [Dowse, Bachmann, 2019].

⁵ Под «серыми зонами» подразумевается промежуточное неясное пространство, которое существует между прямым конфликтом и миром.

Плюсом позиции «ядерный удар только в ответ на ядерный удар» является то, что соперник получает ясный оборонительный сигнал. Индия не дает повода подозревать себя в агрессивных намерениях. Не возникает и так называемая спираль «дилеммы безопасности» (security dilemma) в ядерной плоскости. Но не сама декларация отказа от первого ядерного удара, а последовательно ясно формулируемые, четко аргументированные случаи использования ЯО дают потенциальному противнику представление о том, что его ждет. Объявленные правила стабилизируют противостояние и даже ограничивают его развитие [Morgan, 2008]. Стоит отметить, что ни США, ни РФ, ни Великобритания, ни Франция не декларировали отказа от использования ЯО первыми.

Стратегия ядерной определенности и последовательности, очевидно, достигает цели сдерживания в отношениях с Китаем. Хотя Пекин сохраняет стратегическую непрозрачность, развязывание войны с Индией, тем более ядерной, не соответствует китайским интересам. Обострение отношений происходит из-за территориальных претензий [Панин, 2023]. Но и в этом случае маловероятно, чтобы Пекин решился вторгнуться в штат Аруначал-Прадеш или перерезать Силигурский коридор, который связывает основную территорию Индии с ее восточными штатами. Пока Китай старается действовать осторожно. Китайско-пакистанский экономический коридор (СРЕС) выходит к северным границам бывшего княжества Джамму и Кашмир. Индия воспринимает этот проект как демонстрацию возможностей поддержки Пекином Исламабада, которая в перспективе может перевести двусторонний конфликт из-за Кашмира в трехсторонний.

В стратегической определенности есть серьезный минус. Если Индия обязалась не наносить первой ядерный удар, это оставляет свободу действий противнику ниже ядерного порога, подогревая надежду на достижение целей в конвенциональном конфликте. Однако, несмотря на заявления о неизменности ядерной позиции, есть признаки того, что Индия может двигаться в сторону большей стратегической неопределенности. Об этом говорит дополнение в ядерной доктрине, сделанное в 2023 г. Ядерное возмездие возможно в случае серьезного нападения на Индию или индийские силы где угодно с применением биологического или химического оружия [Saalman, 2020]. У индийского руководства есть понимание, что лучше избегать «ненужного связывания себе рук», особенно в отношениях с Пакистаном.

Индия довольно долго декларирует миролюбивую позицию, и Пакистан в переговорной плоскости не отталкивает протянутую руку. В 1988 г. две страны заключили Соглашение “Non-Nuclear Aggression Agreement”, согласно которому они отказываются от внезапного нападения на ядерные объекты друг друга. В 1999 г. обе страны подписали Лахорскую декларацию (Lahore Declaration) и договор, в котором говорится о недопущении случайного и несанкционированного применения ядерного оружия, предотвращении конфликтов с ядерным и конвенциональным оружием. Но атмосфера взаимного доверия продлилась недолго: через несколько месяцев между Индией и Пакистаном началась т. н. Каргильская война.

С 1988 г. в целях взаимного доверия между двумя странами существует военная горячая линия высокого уровня. Однако в марте 2022 г. Индия случайно запустила крылатую ракету «Бра-Мос», которая пролетела над Пакистаном около 120 км, прежде чем упасть. Операционный центр противовоздушной обороны ВВС Пакистана немедленно привел свои силы в состояние повышенной боевой готовности. Власти Пакистана потребовали объяснений: в течение семи минут полета ракеты Индия не использовала горячую линию, чтобы предупредить о запуске. Пакистан настаивал на совместном расследовании инцидента, но Индия не ответила [Pakistan rejects..., 2022]. Очевидно, при возникновении кризисной ситуации стороны не полагаются на меры доверия, а делают выводы о намерениях друг друга по выбору целей и средств поражения, глубины и тяжести удара, как это произошло при столкновениях в 2019 г. и тем более в 2025 г.

Стратегическая неопределенность: плюсы и минусы

В свою очередь, стратегическая двусмысленность или неопределенность в отношении использования ЯО тоже имеет плюсы и минусы. С одной стороны, неопределенность может оказывать больший сдерживающий эффект за счет страха. Но только эксплуатировать страх на продолжительном отрезке времени трудно. Если подтверждения высокого риска нет, то страх ослабевает, угроза начинает восприниматься блефом. С другой стороны, отсутствие четких заявлений о «красных линиях» и способа наказания за их пересечение может привести к непреднамеренному пересечению. Более того, если сдерживание подкрепляется только вербальными угрозами и не имеет доказательств реальности исполнения, то может спровоцировать упреждающий удар.

Стратегическая определенность для Индии (приверженность позиции неприменения ЯО первым) оправдана прежде всего в отношении КНР. В отношениях Индия–Пакистан инициатива в управлении неопределенностью принадлежит Исламабаду. Тактическое ядерное оружие может быть использовано пакистанским руководством в любой момент при отражении вторжения индийской армии, в этом и состоит неопределенность. Пакистанские власти полагают, что точечные удары оружием «нулевой дальности» поставят индийское руководство в тупик [Vinayak, 2023]. С одной стороны, для Индии отвечать стратегическим ударом на первый же ядерный взрыв малой мощности слишком непропорционально и несет риск неконтролируемого развития конфликта. С другой — продолжать наступление с чувствительными потерями от следующих тактических «ядерных уколов» — это платить неприемлемую цену, а значит, полагает противник, Индия остановится. Иная ситуация — если бы у Нью-Дели не были связаны руки позицией NFU, тогда жонглировать тактическим ЯО перед индийской стороной было бы небезопасно.

Обмен ударами после террористических атак в Пулваме (2019 г.), в Пахалгаме (2025 г.) подтверждает уверенность пакистанской стороны в том, что именно она контролирует дистанцию до ядерного порога. Индийское руководство ощущает значительный риск, давая сдерживающий ответ, и не отвечает эскалацией, опасаясь, что Исламабад может применить ЯО первым [Nagejo, Khan, et al., 2024]. В итоге «минимальное надежное сдерживание», проводимое Индией, оказывается слишком минимальным и ненадежным, оставляя Пакистану возможность успеха в конвенциональном конфликте.

Один из основателей теории сдерживания Б. Броди полагал, что одна сторона может вступить в военные действия, считая, что конфликт останется безъядерным. Отчасти в этом виновата сдерживающая сторона. Такое «неправильное» ядерное сдерживание не работает и становится опасным [Brodie, 1959]. Чтобы угроза была сдерживающей, она должна убеждать противоположную сторону в неприемлемости (катастрофичности) и неизбежности ущерба в результате возмездия [Kahn, 1965], чего в противостоянии Индии и Пакистана пока нет.

Чтобы придать угрозе определенность, сделать ее явной, она должна состоять из действий, а не из намерений [Шеллинг, 2007, с. 59–60]. В этой логике отказ от использования ЯО оружия первым, с одной стороны, представляет собой миролюбивый жест, но с другой — обладает нулевым сдерживанием, т. к. не подвергает противника риску и дает ему фору: свободу в выборе путей и средств достижения цели. Четкое формулирование сигнального предупреждения усиливает правдоподобность угрозы. Например, в ядерной доктрине Франции присутствует принцип «последнего предупреждения». Противнику будет сделано ровно один раз «ядерное предупреждение», «чтобы ясно показать, что суть конфликта поменялась» [Speech on Defense..., 2020]. Такое предупреждение, например, может выполнять высотный ядерный взрыв для повреждения излучением электронных систем и узлов связи [Tertrais, 2020, p. 73].

Изменение ядерной доктрины Индии с четко изложенным ядерным сигнальным механизмом будет говорить не об агрессивном характере внешней политики, а об обратном. Первым шагом к этому может стать пересмотр индийским руководством взятых добровольно обязательств по отказу от ядерных испытаний. Китай, например, хоть и подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, но его не ратифицировал.

В целом влияние стратегической неопределенности (или наоборот — прогнозируемости, последовательности, предсказуемости) на сдерживание можно отразить на *рисунке 1*. Предсказуемость (определенность) стратегической позиции дает сдерживающий эффект, особенно когда соперник не настроен агрессивно, а само сдерживание имеет акцент на оборонительных возможностях (ПРО, ответный удар) — точка А. Однако сдерживание слабеет, когда начинают демонстрироваться наступательные возможности, способные восприниматься как агрессивность — отрезок А-Б. Если при этом начинает расти неопределенность или стратегическая двусмысленность, порождающие риск неясных потерь, то сдерживание может усиливаться до определенной величины — отрезок Б-В. С ростом дальнейшей неопределенности позиция сдерживающей стороны начинает восприниматься подготовкой к нападению, что снижает силу сдерживания и может толкнуть противника на упреждающий удар.

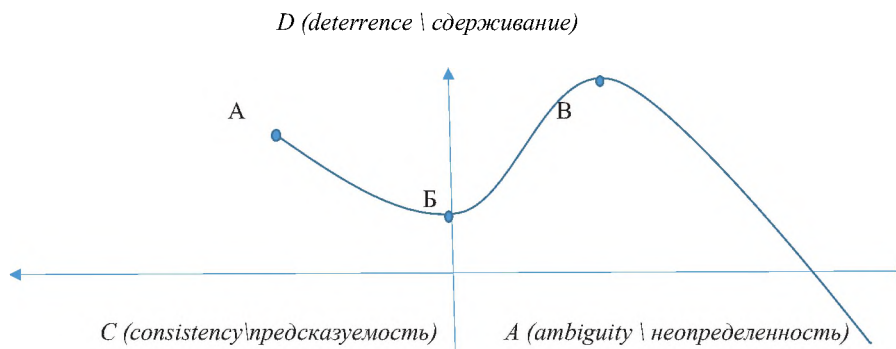

Рис. 1. Влияние стратегической неопределенности на сдерживание (предложено автором)

Неопределенность угрозы без подтверждения ее реальности (наличия и возможностей оружия) не дает эффективного сдерживания. Не объявляя официально ядерную доктрину, Исламабад посылает сигналы сдерживания через заявления официальных лиц, соответствующие обстановке и безопасности, тем самым сохраняя двусмысленность. Наиболее значимым спикером выступает генерал-лейтенант в отставке Х. Кидвай. На конференции Международного института стратегических исследований в 2023 г. он, усиливая неопределенность, заявил о возможности применения ядерного оружия в Южной Азии в любом конфликте [Kidwai..., 2020]. В экспертных кругах Пакистана текущую ядерную политику в отношении Индии называют «политикой полносpekтрального ядерного сдерживания под эгидой надежного минимального сдерживания» [Jaspal..., 2018]. Такая неопределенность является примером вербального сдерживания. Отчасти ее используют и власти КНДР, делая заявления, которые оставляют Вашингтон, Токио и Сеул в раздумьях: верить угрозам или нет и к какой аудитории они относятся.

В ядерной политике Китая тоже присутствует неопределенность, возникающая из умолчания. Основные направления строительства стратегических сил КНР — совершенствование РГЧ индивидуального наведения, развитие гиперзвуковых систем, средства сдерживания морского базирования. Неопределенность создается через размывание границы между созданием образцов космической, авиационной, подводной техники с научными целями и в рамках военных

исследований — это размывание преднамеренно. При этом Китай сохраняет принцип неприменения ЯО первым, но не говорит о ядерной доктрине. В 2022 г. генеральный директор департамента контроля над вооружениями МИД КНР заявил, что Китай не расширяет ядерный арсенал, но предпринимает шаги по модернизации своих ядерных сил [Kristensen, Korda, Johns, 2023]. Однако в США не сомневаются, что КНР строит большое число шахтных пусковых установок, наращивает арсенал МБР, ведет поиск путей преодоления американской ПРО, в том числе с использованием гиперзвуковых технологий [New Chinese..., 2021]. Что не может не учитываться Индией во взаимном сдерживании с КНР.

Заключение

Скоротечность «горячей фазы» противостояния и в 2019 г., и в 2025 г., а также быстрое ее затухание свидетельствуют о том, что ни Индия, ни Пакистан пока не хотят большой войны, тем более с использованием ЯО. Стороны не решились на эскалацию и ограничились ракетными ударами, использованием БПЛА и боями в воздухе.

При всей мощи вооруженных сил Индии ее стратегическая прогнозируемость (определенность) неэффективна и не вызывает доверия к сдерживающим факторам. На повторяющиеся атаки со стороны пакистанских «прокси» следуют ограниченные ответные меры, но они не решают проблему. У Индии нет разработанной архитектуры эскалации. Есть только два уровня: минимальное сдерживание и массированное возмездие. Необходима разработанная лестница эскалационных мер, которые предотвратили бы провокации, не вызывая спираль неуправляемой эскалации. [Pillai, 2025].

В экспертной среде рассматривается лестница контролируемой эскалации, которую может использовать Индия. С 1 по 5 ступени эскалация проводится конвенциональными средствами. На 6 ступени Индия объявляет о превентивной ядерной боеготовности (без передачи ЯО на боевые позиции). После ввода в бой и мобилизации всех видов вооруженных сил на 13 ступени объявляется полная ядерная боеготовность (сборка и передача ядерных боеприпасов из мест хранения). На 16 ступени после уничтожения баз и аэродромов обычным оружием следует демонстративное (сигнальное) применение ядерного оружия в ответ на использование противником тактического ЯО; следующая ступень — пропорциональный ответный удар против тактических систем ЯО; на 18 ступени — стратегический контрудар ЯО; на 19-й — продолжение ядерных контрударов с целью тотального уничтожения [Jones, 2011, p. 14].

Пока у Индии нет гибкости в стратегии сдерживания. Терпение и ответственность воспринимаются стратегической пассивностью. В ядерной доктрине зафиксирована конечная точка эскалации при использовании противником ЯО — «тотальное возмездие» (massive retaliation), но нужны возможности и механизмы управления эскалацией [Cohen, Dasgupta, 2010].

Критики сохранения существующего подхода NFU полагают, что «красные линии», которые структурируют эскалацию ответных действий, следует доктринально закрепить в публичной внешней политике. У противника необходимо сформировать ясное представление, какой ответ последует на его шаги и какую цену он заплатит. В поддержку этой позиции должны быть вовлечены влиятельные международные партнеры Индии (Франция, Израиль, союзники по QUAD) [Pillai, 2025].

Поддержание высокой неопределенности относительно целей и намерений ядерной политики является привлекательной стратегией. Заявление министра обороны Р. Сингха о возможном отказе Индии от принципа неприменения ЯО первой тоже является вербальным сдерживанием и создает стратегическую неопределенность [Clary, Narang, 2019].

Однако сохранение Индией принципа “no first use” дает Пакистану надежду достигнуть своих целей конвенциональным оружием. Пусть ограниченных, пусть локальных, когда превращение вооруженного конфликта в полноценную конвенциональную войну Индии покажется слишком рискованным, а переход через ядерный порог — пугающей «точкой невозврата». Принцип “no first use” имеет свои преимущества: это упреждающее сдерживание (пока конфликт не начался) и оборонительная природа стратегии. Но в начале лестницы эскалации, пока ЯО еще не пошло в ход, отказ от ядерного удара первым может быть оговорен многими условиями. В качестве иллюстрации гибкого применения принципа отказа от первого ядерного удара стоит привести КНДР. В «Законе о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил» содержится описание множества исключений из этого принципа⁶. Условия, при которых ЯО будет превентивно использовано, являются настолько широкими, что возникает эффект стратегической неопределенности.

Литература / References

Зайцев М.С. Сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана. *Сравнительная политика*. 2018. № 3. С. 14–25 [Zaytsev, Mikhail S. Sravnitel'nyanaliz voennykh doktrin Indii i Pakistana (Comparative Analysis of Military Doctrines of India and Pakistan). *Comparative Politics Russia*. 2018. No. 3. Pp. 14–25 (in Russian)].

Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М.: Научная книга, 2003. 255 с. [Sotnikov V. I. Nuclear Problem in Indian–Pakistani Relations. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 2003. 255 p. (in Russian)].

Сотников В.И. Сравнительный анализ ядерных доктрин Индии и Пакистана. *Восточная аналитика*. 2020. № 1. С. 98–109 [Sotnikov V. Comparative Analysis of India's and Pakistan's Nuclear Doctrines. *Eastern Analytics*. 2020. № 1. Pp. 98–109 (in Russian)].

Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.: ИРИСЭН, 2007 [Schelling T. Strategy of Conflict (transl. from English). Moscow, 2007 (in Russian)].

Brodie B. Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959. 440 p.

Chakma B. Pakistan's Nuclear Doctrine and Command and Control System: Dilemmas of Small Nuclear Forces in the Second Atomic Age. *Security Challenges*. July 2006. Vol. 2. No. 2. Pp. 115–133.

Cohen S. P., Dasgupta S. Arming Without Aiming: India's Military Modernization. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2010. 223 p.

Jones R. Nuclear Escalation Ladders in South Asia. Policy Architects International. 2011, April. Defense Threat Reduction Agency, Advanced Systems and Concepts Office. Report Number ASCO 2011 007, 32 p.

IHS Jane's Weapons: Strategic 2015–2016, “Hatf 7” (Babur) / ed. James C. O'Halloran. United Kingdom: IHS, 2015. 172 p.

Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Praeger, xvii, 1965. 308 p.

Morgan F. E., et al. “The Nature of Escalation.” In *Dangerous Thresholds: Managing Escalation in the 21st Century*, 1st ed. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. 274 p.

Narang V. Posturing for Peace? Pakistan's Nuclear Postures and South Asian Stability. *Quarterly Journal: International Security*. Vol. 34. No. 3. (Winter 2009/10). Pp. 38–78.

⁶ КНДР может использовать ЯО против безъядерных стран, если они участвуют в агрессии против КНДР в сговоре с ядерными государствами; имеется информация о подготовке атаки с помощью ЯО, другого оружия массового уничтожения; при атаке конвенциональным оружием против руководства КНДР, командования ядерными силами, системы управления ядерными силами или при наличии данных о подготовке такого нападения; подозрении о приближении атаки любым оружием на стратегические объекты; при необходимости предотвращения расширения или затягивания войны, проведения операций по взятию инициативы в войне.

Narejo G. S., Khan Z., Khan A. Pakistan's Ambiguous Nuclear Doctrine Prima Facie Deterrence Aimed at War Avoidance and India's Quest for Compellence. *Strategic Thought*. 2024. No. 6 (1). Pp. 41–56.

Perkovich G. Nuclear Weapons in South Asia. Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

Shankar M., Paul T. V. Nuclear doctrines and stable strategic relationships: the case of south Asia. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944). Vol. 92. No. 1 (January 2016). Pp. 1–20.

Tertrais B. French Nuclear Deterrence Policy, Forces, and Future. A Handbook. Recherches & Documents. № 4/2020. Paris, Fondation pour la Recherche Stratégique. 73 p.

Электронные ресурсы / Electronic resource

Панин Л. Ядерный треугольник Индийского субконтинента. РСМД. 20.02.2023 [Panin L. Nuclear triangle of the Indian subcontinent. RIAC). 20.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernyy-treugolnik-indiyskogo-subkontinenta/> (in Russian)] (дата обращения: 11.12.2025).

Ababeel. CSIS. 23.04.2024. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/ababeel/> (дата обращения: 15.12.2025).

Arms Control and Proliferation Profile: Pakistan. Arms Control Association. 2023. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/arms-control-and-proliferation-profile-pakistan> (дата обращения: 17.11.2025).

Clary C., Narang V. Why India wants to break its decades-old nuclear pledge. BBC, MIT Center for International Studies. 22.08.2019. URL: <https://cis.mit.edu/publications/analysis-opinion/2019/why-india-wants-break-its-decades-old-nuclear-pledge> (дата обращения: 17.12.2025).

Dowse A., Bachmann S.-D. Explainer: What Is 'Hybrid Warfare' and What Is Meant by the 'Grey Zone'? The Conversation. 17.06.2019. URL: <https://theconversation.com/explainer-what-is-hybrid-warfare-and-what-is-meant-by-the-grey-zone-118841> (дата обращения: 21.11.2025).

English Rendering of PM's Address to the Nation, Ministry of External Affairs (India), May 15, 2025. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/39498/English_rendering_of_PMs_address_to_the_Nation_May_12_2025 (дата обращения: 22.11.2025).

Ghaznavi (Hatf 3). CSIS. 23.04.2024. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/hatf-3/> (дата обращения: 17.12.2025).

Jaspal Zafar Nawaz. "Full Spectrum Deterrence: Capability and Credibility." Pakistan Politico. 07.06.2018. URL: <https://pakistanpolitico.com/full-spectrum-deterrence-capability-and-credibility/> (дата обращения: 11.07.2025).

Inter Services Public Relations Directorate (Pakistan). Press Release No. PR10/2017-ISPR. 09.01.2017. URL: <https://www.ispr.gov.pk/press-release-detail.php?id=3672> (дата обращения: 10.12.2025).

Kidwai K., Keynote address and discussion session at "South Asian Strategic Stability: Deterrence, Nuclear Weapons and Arms Control" workshop. The International Institute for Strategic Studies. 06.02.2020. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content---migration/files/events/2020/transcript-of-its-general-kidwais-keynote-address-as-delivered---iiss-ciss-workshop-6feb20.pdf> (дата обращения: 12.07.2025).

Kristensen H, Korda M. Pakistan nuclear weapons, 2023. Bulletin of the Atomic Scientists. Retrieved 10 October 2023. URL: <https://thebulletin.org/premium/2023-09/pakistan-nuclear-weapons-2023/> (дата обращения: 09.12.2025).

Kronstadt K. A. India-Pakistan Conflict in Spring 2025. Congressional Research Service (CRS). 13.05.2025. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF13000> (дата обращения: 11.12.2025).

New Chinese Missile Silo Fields Discovered. The Arms Control Association. 09.2021. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2021-09/news/new-chinese-missile-silo-fields-discovered> (дата обращения: 19.12.2025).

Nuclear Disarmament China. NTI. 08.02.2024. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/china-nuclear-disarmament/> (дата обращения: 12.12.2025).

Nuclear Threat Initiative, James Martin Center for Nonproliferation Studies at the Middlebury Institute of International Studies at Monterey. 18.03.2024. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/india-nuclear-disarmament/> (дата обращения: 19.11.2025).

Noor S. Did Pakistan Just Overhaul Its Nuclear Doctrine? Science and International Affairs. 19.06.2023. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/did-pakistan-just-overhaul-its-nuclear-doctrine> (дата обращения: 09.12.2025).

Pakistan. Nuclear Threat Initiative (NTI). 23.10.2023. URL: <https://www.nti.org/countries/pakistan/> (дата обращения: 19.12.2025).

Pakistan rejects India's purported closure of the incident of the firing of a supersonic Missile into Pakistani territory on 9 March 2022 and reiterates demand for joint probe. Pakistan Ministry of Foreign Affairs. 24.08.2022. URL: <https://mofa.gov.pk/pakistan-rejects-indias-purported-closure-of-the-incident-of-the-firing-of-a-supersonic-missile-into-pakistani-territory-on-9-march-2022-and-reiterates-demand-for-joint-probe/> (дата обращения: 29.12.2025).

Pillai S. Deterrence by Design: Pakistan's Playbook of Bluff and Influence. Jun 1, 2025. URL: <https://dras.in/deterrence-by-design-pakistans-playbook-of-bluff-and-influence/> (дата обращения: 13.07.2025).

Saalmann L. India's no-first-use dilemma: Strategic consistency or ambiguity towards China and Pakistan. Stockholm International Peace Research Institute. 02.12.2020. URL: <https://www.sipri.org/commentary/blog/2020/indias-no-first-use-dilemma-strategic-consistency-or-ambiguity-towards-china-and-pakistan> (дата обращения: 29.10.2025).

Singh S. The Challenge of a Two-Front War: India's China-Pakistan Dilemma. The Stimson Center. 19.04.2021. URL: <https://www.stimson.org/2021/the-challenge-of-a-two-front-war-indias-china-pakistan-dilemma/> (дата обращения: 22.11.2025).

Speech on Defense and Deterrence Strategy, Macron E. École de Guerre. Paris, 07.02.2020. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2020/02/07/speech-of-the-president-of-the-republic-on-the-defense-and-deterrence-strategy> (дата обращения: 15.12.2025).

Vinayak B. Understanding Pakistan's Zero-Range Nuclear Strategy. Centre for Advanced Defence Studies, Rashtriya Raksha University. 18.08.2023. URL: <https://capsindia.org/understanding-pakistans-zero-range-nuclear-strategy/> (дата обращения: 16.12.2025).